

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Политическая философия и теория: вступительный экзамен в аспирантуру — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 40 вопросов перечня кафедры политической теории для испытания «вступительное испытание в аспирантуру».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии», кафедра политической теории

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ · ВОПРОС РЗЗ · ДЕМО

Существуют ли пределы власти в «Паноптиконе»?

■ Устройство

- Бентам: кольцо камер, в центре — башня надзирателя; хватает одного надзирателя на всех;
- заключённый «видим, но сам не видит» — объект информации, а не субъект коммуникации;
- важна не слежка сама по себе, а постоянная возможность слежки в любой момент.

■ Заявленный предел

- по Бентаму рост власти машины не ведёт к тирании: устройство «постоянно открыто великому судебному комитету всего мира», войти в башню и проверить принцип надзора может любой;
- предел здесь — публичность и демократический контроль над самой машиной.

■ Как предел снимается на практике

- Фуко: «власть увеличивается ещё больше», так как заключённые сами начинают себя контролировать, предполагая возможность наблюдения в любой момент — интернализация надзора;
- власть автоматизирована и обезличена: «не имеет значения, кто отправляет власть»; заключённый сам «становится началом собственного подчинения».

■ Дисциплина как «контрправо»

- юридическая форма гарантирует формально равные права, но дисциплины «приостанавливают право, но всегда лишь временно, никогда не отменяя его полностью» — формальный предел есть;

- фактически же паноптизм «делает бесполезными границы, очерчиваемые правом».
- **Реальные пределы — исторические, не юридические**
- рост крупной, государственной и международной противозаконности (финансы, спецслужбы, оружие, наркотики) делает мелкую делинквентность менее полезной для власти;
- разрастание дисциплинарных сетей (медицина, психология, соцработа) перенимает функции правосудия — предел задаёт соотношение сил, а не закон;
- власть циркулирует капиллярно, и сопротивление структурно встроено в саму власть.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: что такое Паноптикон и почему вопрос о пределах власти вообще возникает

Паноптикон — архитектурный проект английского философа и юриста Иеремии Бентама конца XVIII века: кольцевое здание камер с башней надзирателя в центре. Идея проста и до сих пор узнаваема: если каждая камера просматривается из центра, а сам надзиратель невидим для заключённых, то власть можно осуществлять почти без усилий — достаточно, чтобы заключённый не знал, наблюдают за ним в данную секунду или нет. Бентам предлагал строить по этому принципу не только тюрьмы, но и больницы, школы, фабрики, рабочие дома.

Классический разбор Паноптикона как модели современной власти принадлежит французскому философу Мишелю Фуко в книге «Надзирать и наказывать» (1975), где он анализирует переход французской пенитенциарной системы от публичных телесных наказаний к дисциплинарному контролю на протяжении 1757–1830 годов. Ключевой тезис Фуко: новая система тюремных правил создавалась не ради гуманизации обращения с заключёнными, а ради того, чтобы сделать наказание более эффективным и дешёвым. Паноптикон становится для Фуко не просто зданием, а моделью нового типа власти вообще — дисциплинарной, автоматизированной, проникающей во все институты общества. Именно на этом материале и строится вопрос о пределах: власть в Паноптиконе задумана как ограниченная — но работает ли это ограничение на практике.

■ Устройство Паноптикона: как работает надзор

Принцип Паноптикона держится на асимметрии видимости. Заключённые размещены по отдельным камерам вдоль внешнего кольца здания, каждая камера освещена и полностью просматривается из центральной башни. Надзиратель, напротив, скрыт — заключённый не может увидеть, смотрят на него в данный момент или нет. Фуко описывает эту конструкцию формулой продольной видимости и поперечной невидимости: заключённого видят, но сам

он не видит; он становится объектом информации, но никогда не становится субъектом коммуникации с другими заключёнными или с надзирателем.

Отсюда вытекает главная экономическая особенность модели: надзирателям не нужно присутствовать в башне постоянно. Значение имеет не факт наблюдения, а сама возможность наблюдения в любой произвольный момент. Заключённый обязан вести себя так, будто за ним следят всегда, потому что проверить обратное он не может. Уже сам факт существования такой структуры, по формулировке источников, «изрядно ограничивает заключённых» ещё до того, как надзиратель хоть раз действительно посмотрел в его сторону.

■ Заявленный Бентамом предел власти: публичность и демократический контроль

Сам Бентам, предлагая проект, не считал его инструментом безграничного произвола. У него был встроенный, заявленный предел: устройство, по его замыслу, не приведёт к тирании, потому что останется постоянно открытым для внешней проверки — «великому судебному комитету всего мира». Любой посторонний человек в принципе может войти в центральную башню и убедиться, как работает надзор, увидеть весь механизм целиком. Таким образом Паноптикон задумывался как прозрачное сооружение, где отправление власти можно контролировать всем обществом, а не только теми, кто эту власть непосредственно осуществляет.

Это важный момент для понимания вопроса билета: у Бентама предел власти существует не как ограничение объёма контроля над заключёнными (в этом смысле контроль как раз тотален), а как гарантия того, что сама надзирающая инстанция не выйдет из-под общественного присмотра. Предел мыслился горизонтально — не «власть над заключённым не может зайти дальше определённой черты», а «за самой властью тоже кто-то следит».

■ Как Фуко показывает снятие этого предела

Анализ Фуко демонстрирует, что заявленный Бентамом предел на практике не срабатывает как реальный ограничитель — власть, наоборот, усиливается за счёт механизма, который должен был бы её сдерживать. Ключевой эффект — интернализация надзора: заключённые сами начинают себя контролировать, поскольку постоянно допускают возможность наблюдения. Формулировка источников прямая: «власть увеличивается ещё больше, так как заключённые сами начинают себя контролировать, предполагая возможность наблюдения в любой момент». Реальное подчинение, пишет Фуко, механически рождается из вымышленного отношения — заключённому достаточно верить, что он может быть под наблюдением, чтобы вести себя так, будто наблюдение идёт постоянно. Он сам становится началом собственного подчинения.

Второй эффект — обезличивание и автоматизация власти. В Паноптиконе не имеет значения, кто именно находится в башне надзирателя: механизм «производит однородные воздействия власти» независимо от личности того, кто отправляет надзор. Власть здесь перестаёт быть привязанной к конкретному

носителю, как это было в модели суверенной власти, персонифицированной в фигуре короля. Она становится безличной сетью, воспроизводящей себя автоматически. Именно поэтому декларируемая Бентамом гарантия — публичный доступ в башню — оказывается формальной: даже если башню действительно можно проверить, сама конструкция надзора продолжает работать вне зависимости от того, кто и как часто это делает.

■ Дисциплина как «контрправо»: формальный предел есть, но он не абсолютен

Отдельная линия анализа у Фуко касается соотношения дисциплинарной власти и юридического права. Юридическая форма общества гарантирует систему формально равных прав для всех граждан. Но параллельно с этой системой действуют дисциплины — микровласти, пронизывающие тюрьмы, школы, казармы, больницы, фабрики. Дисциплины, по формулировке Фуко, «гарантируют в самом основании общества подчинение сил и тел» и вводят непреодолимые асимметрии, исключая взаимность, которую предполагает юридическое равенство. Именно поэтому Фуко называет дисциплину не просто отклонением от права, а его «контрправом» — системой, действующей рядом с формальным правом и по собственной, иной логике.

Здесь и находится формальный предел власти: в тех пространстве и времени, где дисциплины вводят в игру свои асимметрии, они приостанавливают действие права, но не отменяют его полностью — приостановка всегда временная. То есть теоретически право остаётся высшей инстанцией, к которой можно апеллировать после того, как дисциплинарное вмешательство завершилось. Но фактический эффект, который описывает Фуко, противоположен этому формальному пределу: повсеместный паноптизм действует «на изнаночной стороне права» и на практике «делает бесполезными границы, очерчиваемые правом». Формальная граница существует на бумаге закона, но не работает как реальный ограничитель в момент, когда дисциплинарный механизм уже включён.

■ Реальные пределы власти: не юридические, а исторические и стратегические

Ближе к финалу книги Фуко переносит вопрос о пределах в другую плоскость — не «что должно ограничивать власть по замыслу», а «что фактически ограничивает распространение тюремной и паноптической модели в истории». Он указывает на два реальных процесса. Первый — рост крупной, государственной и международной противозаконности: финансовые нарушения, деятельность спецслужб, торговля оружием и наркотиками. Эти формы правонарушений делают мелкую, уличную делинквентность менее полезной для власти как объект контроля — фокус смещается туда, где ставки выше. Второй процесс — разрастание дисциплинарных сетей за пределами тюрьмы: медицина, психология, социальная работа постепенно перенимают функции, которые раньше выполняло уголовное правосудие.

Из этого Фуко делает вывод: настоящий вопрос — не в том, сохранять ли тюрьму как институт, а в том, что резко возрастает использование механизмов нормализации в целом, которые распространяют власть через установление новых объективностей (норм здоровья, нормы поведения, нормы психического состояния). Предел власти в этой логике оказывается не институциональным — не законом, не судом, не публичным контролем над башней надзирателя, — а исторически-стратегическим: он определяется соотношением сил и тем, насколько тот или иной механизм остаётся полезным для власти в данный момент. Когда полезность падает или появляется более эффективный механизм контроля, прежний предел смещается сам собой, без всякого юридического акта.

Дополняет эту картину и более общая модель власти у Фуко: власть не концентрируется в одном центре как вещь, которой можно обладать, а циркулирует капиллярно — через сеть социальных связей, пронизывая общество на уровне мельчайших, бесконечно малых отношений. Из этого следует важное уточнение: там, где есть власть, всегда есть и сопротивление, и оно не является внешним фактором по отношению к власти, а структурно встроено в саму сеть властных отношений. Даже в предельно дисциплинарной модели Паноптикона власть не абсолютна именно в этом смысле — не потому, что кто-то извне её тормозит, а потому, что сопротивление возникает в тех же точках, где действует сама власть.

■ Итоги и значение

Ответ на вопрос билета не сводится к простому «да» или «нет». У Бентама заявленный предел власти в Паноптиконе — публичность и демократический контроль над самой надзирающей инстанцией — существует как декларация, но в анализе Фуко не работает как реальный ограничитель: власть, наоборот, усиливается за счёт интернализации надзора самими заключёнными и за счёт автоматизации и обезличивания механизма контроля. Формальный юридический предел — приостановка права дисциплиной лишь на время и не полностью — тоже сохраняется на уровне декларации, но фактически паноптическая дисциплина делает границы права бесполезными в момент собственного действия.

Реальные пределы власти в этой модели лежат не в области права или публичности, а в области истории и стратегии: конкуренция форм противозаконности, разрастание дисциплинарных институтов за пределами тюрьмы, структурно встроено в саму сеть власти сопротивление. Значение этого анализа выходит далеко за рамки истории пенитенциарной системы: модель Паноптикона у Фуко стала одним из ключевых инструментов для описания современных форм контроля — от корпоративного и цифрового наблюдения до систем социального рейтинга, где тот же принцип «видимость как ловушка» и интернализация надзора действуют без единой физической башни.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Политическая философия и теория: вступительный экзамен в аспирантуру» — 40 вопросов перечня кафедры политической теории для испытания «вступительное испытание в аспирантуру» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.